

что общая организованность крестьянского движения в июле увеличилась против июня на 11,2%, а организованность за счет комитетских действий увеличилась только на 6%.

Таким образом мы видим, что вопрос об организованности и неорганизованности крестьянского движения не так прост, как иногда кажется. Было бы конечно проще, если бы мы ограничились утверждением: организованность усиливается, значит усиливается эсеровское влияние на крестьянство и наоборот. Но это утверждение оказалось бы только схемой, схемой, не отражающей реальную действительность. Организованность не всегда является показателем того или другого влияния на крестьянское движение. Если бы мы стали на точку зрения указанной схемы, то мы с несомненностью пришли бы к абсурдному выводу: эсеровское влияние выражается в организованности крестьянского движения, а большевистское — в дезорганизованности такового. И практика как будто бы это подтверждает. В августе, сентябре и октябре мы действительно наблюдаем колоссальную дезорганизованность в крестьянском движении. Но на самом деле это объясняется не силою большевиков, а их слабостью. Большевики за эти месяцы сумели сильно охватить крестьянское движение своим руководством в отношении идеологическом, но не сумели то же сделать в отношении организационном. Получились, таким образом, своеобразные ножницы в большевистском руководстве крестьянскими массами. В июле эти ножницы появиться еще не могли, так как тогда темп отхода крестьян от эс-эров был еще медленный.

Отход крестьянства от эсеровской политики в июле подтверждается и тем, что общее крестьянское движение (и организованное и неорганизованное) дает в июле дальнейшее увеличение прямых захватов. Наряду с этим появляются первые ласточки массовых погро-